Молодые люди клеили на каменную ограду афишу о бенефисе Яворской. Толстая рыжая баба, злая и нахальная напустилась на них: - Ишь расклеили. А кто будет стены мыть?

Эт, чтобы буржуи в театр ходили? Мы вот не ходим. И для них кончилось время голых девок смотреть. Погань. Еще и немцами пугают. Много дам, курсисток и военных стоят по

краям, продают что-то. Па. согласна с вами, – заявила рыжей дама

с муфтой на руке, - это ведь не ограда, вовсе не камень, это пля нас - священный храм. - А пля тебя он священный, а пля меня - ка-

мень и камень, - окрысилась на муфту рыжая. - Знаем, видали. Взял маляр доску, намазал на ней – вот тебе и Бог. Ну и молись

- После этого я с вами и говорить не желаю.

Откуда-то из-за угла показались распаленная лпа, знамена, плакаты, музыка. И кто в лес, го по дрова в десяток глоток:

Вставай, подымайся, рабочий народ! Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные. А дальше – жидкая грязь брызжет из-под ног, из-под колес, суетятся солдаты, мальчишки, бабы, торг пряниками, папиросами, маковыми плитками, халвой. Восточный крик, говор и какие все мерзкие лаже по пвету лина, по желтым мышиным волосам. У солдат и рабочих, то и дело грохочущих на грузовиках, морды пьяные и торже-

Идет рота – вразнобой, спотыкаясь, кто по мостовой, кто по тротуару. Михаил посторонился, поспешил в проулок, а дальше снова то же: горит, кричит, заикаясь со слюной во рту, глаза сквозь криво сидящее пенсне кажутся удивленными и испуганными. Галстук высоко вылез сзади на грязный бумажный воротничок, жилет донельзя затертый, на плечах кургузого иджака - перхоть.

- Неужели эта гадюка одержима пламенной, беззаветной любовью к человеку? – поинтересовался Михаил у барышни. - Что вы, это же товарищ Жданович! Сама

доброта и справедливость.

Да что вы говорите?

На Михаила покосился стоящий с подсолнухом в кулаке дезертир - шинель навскидку, картуз на затылок. Широкий коротконогий, спокойно-нахален, ждет и время от времени задает вопросы, не говорит, а только спрашивает и ни единому ответу не верит, во всем подозревает

Михаил отвернулся от него, и хорошо, - среди сотни незнакомых чужих лиц он увидел знакомое и обрадовался.

На гармошке наяривал безногий унтер-офицер Василий Кронин. Он был слегка пьян, в шапке валялась мелочь.

Михаил подошел и бросил купюру. Василий от удивления поднял глаза на даю-

- Что ж ты, дядя, ушел? А как же латать-лу-

- Госполин локтор! - обрадовался Кронин. -Радость-то какая! Хоть одно лицо среди этих харь. День прошел не зря! Ну и вырядились! Я уж думал, что за бандит подошел - последнее

- Одежду украли. Давно ли с родных мест? - Да как поправился, так и пошел на заработки. Все мои там остались. Работы нет. А я лишний рот. Вот и вспомнил про гармонь. Немного денег передаю в деревню. Да только мало да-

– А живешь-то гле?

- A попрошу ко мне - чистая квартира. Co- так жили. Какое им дело до нас - у людей кослуживен владеет. Места много.

– Есть, есть комната. С отдельным ходом. Я ласти преданий, а в предания верят только до вроде при квартире-то и сторожем, чтобы не обнесли ночью. Сослуживец в Эстонию уехал. Кой-что купить-продать.

Так они и пошли, вернее, шел Михаил, а Василий катил на тележке - к сидению кресла были ловко приделаны колесики от швейной ма-

- Тут недалеко. Теперь я далеко не хожу, говорил Василий, радый нечаянной встрече.

Тася читала. Это был Бунин.

8 страница

В дверь постучали. Тася накинула платок, пошла открывать.

Фельпшер вошел с пачкой газет и конвернется. Собирается открыть частную практику. Во-от на! — огорченно воскликнул фельд-Чаю? - спросила Тася. шер. А кто же лечить-то будет? Я только по зу-Не откажусь, - сказал Тихон Абрамович, бам специалист отменный. Остальное - не ре-

рисаживаясь за стол. Тася налила чаю себе, - Вы же сами говорили, что новое время призовет новых политиков, экономистов... ну и

Михаил КОНОВАЛЬЧУК 1ася

Киноповесть

льдшеру и разрезала конверт. Фельдшер тем еменем просматривал газеты.

- От Михал Афанасьевича? - поинтересовался он. - Как Петербург? - Тася снова развер-

- Описывает тамошний быт... Вот... Марсово поле, на котором только что совершили как некое традиционное жертвоприношение революции комедию похорон, булто бы павших за свободу героев... заколоченные в гроба почему-то красные и противоестественно закопали в самом центре города живых, часами по очереди преуспевали в красноречии, из края в край изрыли и истоптали великолепную площадь, обезобразили ее буграми, а поверх того стали устанавливать дикое ограждение из гранитных глыб, на которых начертаны, видел одну такую, надписи по своей велеречивости и глупости сравнили разве что с писаниями недоумка Луна-Чарского, хотя некоторые и утверждают, то это он и сочинил..

Наспех сотворяются герои, устанавливаются ирамиды и прочие знаки, долженствующие закрепить и революционные завоевания. На самом-то пеле все это попытка хоть как-то совме стить творящееся со здравым смыслом исторического правопорялка.

- Эх, не любит господин доктор революционные преобразования,

тиной быта – работа, дом, еда, жена, дети... Ка-

кая разница кому молиться. А следующие по-

коления вообще не поверят, что мы когда-то

роткая память и все сегодняшние и вчерашние

определенной степени. Все уйдет, оставшееся

- Так как вас забыть - вы вот тут и есть.

- Так что и меня забудете, Тихон Абрамо-

Только сегодня. Завтра я собираюсь уез-

- Думаю, да. Михаил возвращаться не может,

- Что делать в голодном Петербурге? В этой

Так решил Михаил. Сюда больше не вер-

приобретет свой цвет, вкус и запах.

со здоровьем у него совсем плохо.

врачей, видимо? Классово родственных.

вич? – смеясь спросила Тася.

суете и неопределенности?

ется самое интересное. Создаются законы, ограждающие убогих от обид, а сильных от пося-Не любит, - подтвердила Тася. - И не погательств злых. Это уже не зоология. А нерковный институт? Это разве не нравственные зако-- А пройдет немного лет и все свыкнутся с ны, требующие неукоснительного соблюде преобразованиями. Прекратятся бессмысленные дискуссии и митинги. Болото опять затянет

Фельдшер сидел, задумчив и печален. - Что же вас так вогнало в уныние? - спроси-

- Жизнь кончилась, - кратко ответил фельд-

А последнее время сомневаться я стал...

Что-то у нас не то происходит. Да и ответов на

возникающие вопросы я попросту не знаю. А

гии – вот и все. Изыскания на уровне гимна-

зии. Во Франции и головы рубили, и рушили, и

сразу же была создана бездна новых админист-

ративных учреждений, хлынул целый поток

декретов, циркуляров, число комиссаров, не-

пременно почему-то комиссаров, и вообще

всяческих властей стало несметное количест-

во - комитеты, союзы, партии росли и пожи-

рали друг друга, образовался новый особый

язык, сплошь состоящий из высокопарнейших

восклицаний, вперемешку с самой площадной

бранью. Это во Франции... вам не напоминает

это современную Россию? А потом все успо-

- Ну да - слабые, дураки, необразованные, не

- Ну вот, вы все правильно поняли. А то все

– Но это же просто зоология какая-то. Жи-

меющие и не хотящие работать стали бедны-

ми, а сильные, умные - опять богатыми.

Маркс да Энгельс с Троцким...

вем по законам лжунглей.

сами, вы что думаете?

- Что же так быстро. Вы полны сил, доста-

- А толку что? Мечталось о высокой любви. Она есть – но не для меня, она проходит мимо. Хотелось покоя и гармонии, но нет – ни гармонии, ни покоя ни в душе, ни в окружающем...

Прошайте, Татьяна Николаевна! Что же так рано? Сумерки только вот-вот. Пора между волком и собакой.

- Самое время. Фельдшер наклонился, взял дрожащей рукой

руку Таси, поцеловал и быстро ушел. Тася, обескураженная, осталась сидеть, позабыв убрать поцелованную руку. ' Все это показалось ей странным. Вдруг с улицы раздался сдавленный крик. Тася подхватилась и выбежала на крыльцо – никого во дворе не было. Только пес, заметавшись, яростно залаял, а затем протяжно завыл. Становилось жутко. Деверь подсобного сарая покачивалась, хотя ветра и не

Никифор! – громко позвала Тася.

Тася вскрикнула.

- Там в сарае кто-то есть, - тихо прошептала

- А мы и посмотрим, - сказал Никифор, цыкнув на пса. Взял вилы и открыл сарайчик.

В петле, вытянувшись, высунув язык, висел фельдшер. Видимо, агония только закончилась - тело еще покачивалось на веревке. Невероятных размеров язык и выпученные глаза фельдшера, казалось, были предназначены для юмористического представления - хотелось посмешить окружающих и самому посмеяться.

К вечернему поезду, впрочем, к единственному, уходящему на Питер, Тасю подвез Никифор все на той же многострадальной телеге. Как ни чинил ее работящий Никифор, как ни шорничал упряжь, все равно было видно, что белность хозяина заелает.

Тася тихо сползла по стенке сарая.

Никифор подтащил баул с вещами на деревянный перрон и пошел узнавать время прибы-

Тася присела на баул.

Собиралась публика. Особенно суетились торговцы снедью. Станция находилась между двумя голодными столицами, и крестьяне с окрестных деревень, Абросимово, Царская охота, съезжались продать еду. Имея хозяйство, землю, крестьяне продавали мясо, хлеб, сало, творог, масло, картошку, соленья. Мужик, несмотря на невзгоды, все равно стоял крепко на ногах, если не пил и не был обременен большой

- Уже приближается! - сообщил Никифор и огляделся. Опытным взглядом определил кандидатуру и затеял разговор с господином из

– Не поможете ли барышне? – кивнул он на Гасю. Господин окинул взглядом "барышню". - С удовольствием. - охотно согласился он. -Бесплатно, бесплатно, – отмахнулся господин. - Пока не нужлаемся.

А вскоре Тася уже стояла в окне и махала Никифору. Почему-то текли слезы по ее щекам. Жаль было расставаться с этим горолком. гле был относительный покой, и уезжать хоть и к мужу, но в неизвестность.

Что там впереди? Кто знает. Как там сложится жизнь с Михаилом, больным, неустроенным. Когда кончится эта самая революция – полнейший хаос и бардак - грабежи, убийства, беспорядки. Когда

и наступит пора тихой счастливой жизни? На дворе стоял 1919 год от Р.Х. Что будет с ними через год, через два, десять... Кто его знает? Подоспел бы к ней сейчас какой-нибудь безумный прорицатель и сказал бы, что она умрет глубокой старухой, в нищете, забытая всеми, брошенная, умрет, поскользнувшись на картофельных очистках, ударившись головой о батарею. А ее Миша, любимый и единственный, умрет еще раньше на руках другой женщины, прекрасной и самоотверженной. И еще, что уже потом, после смерти он получит всемирную известность. Кто бы мог поверить? Только безумец... Но это потом, а пока – битком набитый вагон, мат, крики, слезы, хохот и перестук колес, и мелькание столбов, деревьев, придорожных построек, кривых деревенских улочек.

Впереди голодный, холодный революцион-

- Ну, это в самом начале. А дальше начина-Михаил поселился у Кронина окончательно. Небольшая комнатка с отдельным выходом во пвор-кололен, а окно выходило прямо на купола Матвеевской церкви.

Они с Крониным ужинали. Ужин был прост, но слава Богу, ужин: карто-

фель, хлеб, соленые огурцы. В дверь позвонили. Медный звонок с надписью: "прошу звонить", который нужно было крутить, и тогда он издавал резкие неприятные звуки, от которых морщился Михаил, всегда возвещал о существовании еще какой-то жизни, - кроме тишины обветшалой квартиры и хаил и сложил рядом с кушеткой для прочте-

Михаил хотел было пойти открыть, но его опередил Кронин - он ловко соскользнул с кресла и, словно обезьяна, доскакал на руках до

- Что нужно? – громко и грозно спросил Ва-

– Доктора нужно. Доктор дома? Василий оглянулся.

Михаил кивнул - дома. Василий открыл огромный засов и в прихожую вломился здоровенный матрос, весь при своем - ленты пулеметные крест-на-крест и ма-

узер. Словно слез с картинки "бей буржуев и мировых империалистов" Еще один матрос поддерживал человека с обмотанной полотенцем головой.

– Доктор? – грозно спросил матрос. Михаил кивнул и машинально потянулся к – Да, Татьяна Николаевна, тут я – выполз от- своей сумке, где находился дежурный набор: куда-то с ведром вечный труженик Никифор. кофеин, камфора, морфий, адреналин, торБИБЛИОТЕКА «ЭС»

зионные пинцеты, стерильный материал, шприцы, зонд, браунинг, папиросы, спички,

Стоящего несчастного усадили на кушетку. Что с ним? Ранен?

- Это не ко мне.

- Ты врач? - угрожающе спросил матрос.

Я не зубной врач. Матрос и не слушал его – бережно развязал полотенце, затем еще полосатую тряпицу, видимо, рваную тельняшку.

Давай, – кивнул он на товарища.

Михаил открыл рот больному. Тот застонал. - Терпи! – рявкнул матрос. Обратно тащить не будем. Здесь и закопаем.

- Не шути, Федор! – простонал болезный. Михаил оглядел диспозицию. Делать было нечего – рвать так рвать! Михаил достал щипцы,

Больной заорал – то ли от вида щипцов, то ли от приступа боли, затем вскочил и попытался бежать. Матрос схватил его за шиворот.

- Стоять, зорька! - рявкнул он бодро. - Может связать? Делать было нечего - Михаил кивнул.

Вскоре больной был крепко привязан к

Михаил положил щипцы, повернул, во рту громко хрустнуло. Больной взвыл. Михаил положил щипцы – в них торчал зуб с

длиннейшими корнями, а на зубе висел небольшой кусок ярко-белой неровной кости. Из глаз больного текли слезы, а изо рта -

Тогда Михаила осенила спасительная мысль он быстро сломал ампулу, набрал раствор и вкатил дозу морфия страдальцу

Больной перестал дергаться, он обвис на сту-комнату. ле и глупо улыбался. - Полощи, - сунул чашку с раствором ему в

губы Михаил, но тот стал пить из нее. Полощи, дубина! – заорал матрос.

Но больной только продолжал улыбаться и тихонько что-то напевать. – Отпустило! – обрадовался матрос. – Ну и

слава тебе, а то замучил весь экипаж. Матрос благодушно посмотрел на доктора и, пока его товарищ развязывал исцеленного, по рылся в карманах

Наконец извлек две бумажки с печатями. Платить нечем. Но есть два ордера. По повезет, то другой сыграет.

- Какие ордера? - удивился Михаил. - Ты что, доктор, с печки упал? - развеселился матрос. - Вот адрес, фамилия. Зерцалов А.Б., интендант. А это не хухры-мухры... Грабь на-

И они, подхватив развеселого товарища, ушли восвояси. - Что это? - все-таки не понимал доктор.

 Это – дорогая вещь. Можно на сало поменять, водку – с руками оторвут бумажку. Ордер становке и дали денег, как это ни странно. на обыск... и недалеко.. – Потрясающе! – воскликнул доктор, – Кронверкский пр-т, дом 26/28, кв. 19... Пойдем?

Кронин с удивлением посмотрел на Михаила. Я не пойду, - сказал он. - Пойдем! – развеселился Михаил.

Вскоре они уже звонили в такой же "прошу звонить" звонок. - Кто?

- Открывайте - ордер. Дверь приоткрылась на длину цепочки. Михаил сунул в щель бумагу. Тонкая мужская рука в белом манжете из-пол общлага ат-

ласного халата приняла бумагу. За дверью послышались возня, шепот, славленный крик. Затем – топот ног, грохот упавшего кресла, звон стекла.

- Сейчас, сейчас... - сказал фальшиво мужчина за дверью, и вскоре дверь открыл сам, с любезной улыбкой мужчина с профилем кухонно-

 Проходите, проходите, – лебезя, пригласил он в квартиру. Михаил и Василий вошли. И сразу бросился в глаза огромный портрет

Троцкого, наспех и косо повещенный. - Рюмочку водки? - предложил хозяин. В соседних комнатах шла лихорадочная возня словно кто-то в полной темноте искал выход, натыкаясь на предметы.

От волки Михаил отказался. - Наконец и мы удостоились чести быть в подозрении. Что будем искать? У Леонтовича ма-

тросы после водки с закуской только столовое серебро реквизировали и расстались друзьями. Открылась одна из дверей, оттуда выглянули две хорошенькие барышни и тут же исчезли. Михаил вернул ордер человеку и сказал:

- Я врач. Вырвал зуб у революционного матроса, и со мной рассчитались ордером. Решил Фу-ты! Пронесло! Софа. Отбой. Ложная

Из другой двери показалась раскрасневшаяся Софа – необъятных размеров дама в бархатном халате.

Экран и сцена.

– Да-да... – господа пришли предупредить. Софа выплыла смущенная, раскрасневшаяся, с несколькими золотыми цепочками в руках,

не зная кула их левать. - Я думаю через время пойдут по другому кругу – так что все равно все реквизируют, что

- Да, да... Ой, горе горе! Работали, старались, И тут к ним полбежал тот в желтом, вылвикопили, и на тебе - пьяная матросня все забе-

Михаил откланялся и двинулся к двери, за ним Василий.

Куда же вы? - засуетился хозяин. - Пора, пора, - торопился Михаил.

Хозяин облегченно вздохнул и тут же бросился к телефону. Крутанул ручку. - Алло, алло! Чека! Девушка дайте Абрамо-

- А надо бы было сплавить ордерок-то. – Да, – задумчиво сказал Михаил. – Барышень жалко...

- Да по ним несколько раз пройдут, прежде чем они обеднеют, пауперизируются, как говорил товарищ Троцкий.

Михаил засмеялся неожиданным познаниям Василия.

Михаил сидел один в своей комнате. Несколько стопок книг стояли на полоконнике, столе, стульях. Многие были открыты. Видимо, Михаил читал одновременно несколько штук.

Послышались говор, стук. Михаил вскочил – так и есть – Тася! Рядом с баулом, только чуть возвышаясь нал ним, суетился Василий Кронин.

Михаил и Тася без слов обнялись. Василий ускакал на кухню и оттуда донеслось бряканье ложек да чашек.

Только свеча горела на столе. Электричест-

Михаил помог Тасе раздеться, они прошли в

– Я была у трех врачей – все сходятся в одном - поздно... Никто не берется - опасаются пос-

Михаил молчал, отрешенно наблюдая пляску теней на стене.

- Может быть, рискнуть, сохранить? - Тася? Я врач. Я знаю, что может родиться от наркомана. Тем более с тобой был обморок.

Но ведь ты не так давно Надеяться на авось? Тася! Ты и сама много ет безобидные пределы... Есть еще один... све-

- Но нужны деньги, - Тася достала кусок толстой цепи, вернее, несколько звеньев являлись когда-то звеньями большой золотой це-– вот что осталось от папиной цепи. - Хорошо. А я завтра попытаюсь достать де-

нег. Успокойся. Завтра я иду в "Старый зонтик". Там много знакомых, попробую одолжить, ну хотя бы у Габрилова - его пьесу приняли к по-

Они встретились с Габриловым у входа в "Старый зонтик". Когда-то это тоже было питейное заведение, но под другим названием. Габрилов был хорошо одет - тройка, цилиндр, трость. В зубах дорогая сигара.

- Ну, ты совсем стал буржуем. Раньше за тобой такого не замечалось. Что, трудно, брат? - сочувственно спросил

Габрилов. - Осунулся, пообтрепался. А кому легко? - Отчего же, пойдем, покажу, посмотришь, тут весь цвет русской интеллигенции – художники, артисты, писатели, даже посол Франции

пожаловал Они последовали в залу, где беседовали, смеялись, обнимались словно старые знакомые дамы и мужчины.

Все были прекрасно одеты, правда, выделялось несколько оригиналов - один в валенках, другой в желтом свитере с шарфом, но, видимо, так было нужно. У фуршетных столов толпились приглашен-

Все выпивалось и поедалось неторопливо видимо, в достатке жили собравшиеся. Вон, вон, смотри – сам Горький! Большую силу набрал Максимыч. Тот, в валенках - Есе-

ные, разбирали бокалы с вином, шампанским.

- Не знаю - А это, сволочь Боровков, комиссар издательства. Здравствуйте, господин Боровков.

Боровков хрюкнул в ответ, дожевывая бу-

На подмостках, где обычно сидели музыканты, бесновался тот, в желтом свитере. Михаил прислушался:

- Нежные! Вы любовь на скрипки

Ложите. Любовь на литавры Ложит грубый.

Себя вывернуть не можете, Чтобы были одни сплошные Губы!

- Иди, выпей, я сейчас, - Габрилов вцепился уже в рукав нужного человека, мужика солид-

Михаил взял бокал и встал у стола напротив того, которого звали Горьким. Тот посмеивался, беседуя с хорошо одетым молодым человеком, изрядно выпившим...

нул стул между ними, выпил и стал закусывать с их тарелок. Иностранен смотрел на него во все глаза.

Горький захохотал. вавый фартук, халат, шапочку, бросил в угол. Поэт повернулся с бокалом и чуть не сел на столик, рядом с которым стоял Михаил. Вы меня очень ненавидите? - весело спро-

сил он у Михаила. - Да, – подтвердил Михаил. сквозь него.

Он уже раскрыл было свой корытообразный рот, чтобы еще что-то сказать, но тут поднялся намерением сказать тост иностранец, и поэт бросился к нему, к середине стола. А там он вскочил на стул и похабно заорал:

 Горько! – пытаясь поцеловать иностранца. Тот оцепенел, но, через секунду оправившись, возгласил: "Господа!

Но поэт заорал еще пуще прежнего. Иностранец сделал еще одну и столь же бес-

плодную попытку, развел руками и сел. За столом зашумели неодобрительно, но поэт заглушил их зычным ревом. И мало того: к большому изумлению некоторых вдруг пришла в ликое и бессмысленное неистовство и часть зала. Зараженные поэтом, они ни с того ни с сего заорали, стали бить сапогами в пол, кулаками по столам, стали хохотать, выть, визжать и хрюкать.

Кто-то выключил электричество. Когда включили, то Михаил увидел, что у иностранца из носа течет кровь, и он пытается остановить ее, запрокинув голову и прикладывая смоченный в водке платочек. Михаил поспешил вон из зала.

А по Невскому проносились правительственные машины с красными флажками, грохотали реполненные грузовики. Отбивали шаг какие-то отряды со знаменами и музыкой. Невский был затоплен серой толпой, солдатней в шинелях внакидку, неработающими рабочими, гуляшей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков папиросками, красными бантами, похабными карточками, сластями.

А на тротуарах был мусор, шелуха подсолну-

На кухне кипели два огромных чана с водой. Кронин, знай, подкладывал дрова – какую-то разномастную щепу - обломки кресел, дверей, евянных кроватей.

Вода должна кипеть постоянно! Особенно с струментами, - кратко сказал Михаил. Был он спокоен и сосредоточен: белый халат, поверх - белый передник, на шее свисала левая повязка.

Кронин же нервничал. Тася лежала на кушетке. Клеенка была покрыта простыней, а другой – сама Тася, до под-

На журнальном столике лежали баллоны.

У тебя совсем глаз не видно, – прошептала

рубки и две маски. Михаил сел рядом. Они смотрели друг на друга. Они ничего не хотели сказать друг другу – они и так все знали.

Михаил надел маску, открыл кран баллона. Тася глубоко вдохнула несколько раз. Глаза ее стали закрываться, она силилась их открыть, стала шевелить губами, силясь что-то сказать, но поздно – наркоз сделал свое дело. Сознание

покинуло ее. Лицо на фоне простыней стало белым, почти

 Василий! – позвал Михаил. Василий вошел, готовый ассистировать. Держи плечи. Они вдвоем переместили Тасю к торцевому горечь разочарований и сомнений, ужас неудач краю кровати, тоже покрытому простыней.

Теперь Тасины ноги свешивались со спинки жизни и в виске болезненно бьется слабая жил-- Таз, вода и инструменты, - сказал Михаил, натягивая резиновые перчатки. Михаил откинул простыню до груди, обмакнул перчатки в раствор и погрузил руку глубоко в Lontos-ter-

Кронин принес требуемое, установил по местам – таз на пол, инструмент на стул. Пот. – сказал Михаил. – вытри пот...

Кронин догадался – пот заливал глаза Михаила - но ничего поледать не смог только потянулся к бинтам, как его качнуло, и он рухнул в обморок, чуть не уронив таз с кипятком. - Э, дьявол, - сказал Михаил и вытер пот ру-

Резиновая перчатка была в крови, и он невольно испачкал ею халат и шапочку. Пока Михаил продолжал операцию, Кронин

очнулся, но встать не мог, его корчило, живот сводили судороги, его тошнило, из глаз текли слезы, и он пополз куда-то прочь. Глаза у него

были совершенно бессмысленные, белые и

Наконец,, он заполз в угол кухни и залег там, дрожа всем телом. Наконец появился Михаил, снял с себя кро-

Затем сел в кресло и закурил. Кронин открыл глаза и стал смотреть сквозь слезы на

Михаил смотрел, не мигая, но смотрел будто

- Ну, как? - прохрипел Кронин. Пока нормально, - ответил Михаил спокойно и глухо, - сейчас наркоз станет выходить. Будет больно, дашь вот это, - Михаил осгавил на столе заранее приготовленные таблетки. – И пить, пить кипяченую воду.

Михаил встал, накинул черное пальто, шля-Вы куда, господин доктор?

- Пройдусь. До аптеки. Скоро вернусь. И словно вспомнив что-то, взял ватку, смочил ее в нашатыре и дал Кронину;

– Нюхай. Затем подумал, постоял, извлек колбочку с пробкой и налил в стакан половину.

Здесь спирт. Прими. Кронин только молча кивал головой, приподнявшись и держа ватку. Михаил вышел. На лестнице еще долго слышны были его шаги. глухой кашель. Слышны до тех пор, пока не хлопнула дверь парадной.

Кронин тупо и отрешенно смотрел прямо перед собой.

Родились эти люди в снах, вышли из снов и нейшим образом обосновались в моей кетье. Ясно было, что с ними так не разойтись. Но что же делать с ними?

Первое время я просто беседовал, а затем, вглядываясь во что-то туманное, что словно висело в воздухе, парило вокруг лампы, растекалось по темным углам, - я видел, что все это превращается в картинки, сначала плоские, затем трехмерные, и двигаются там различные фигурки, некоторые из них кого-то мне напоминали, другие, казалось, были вовсе незнакомы, но, поскольку они общались с первыми, то я как бы их постепенно узнавал, и

круг их все больше расширялся. Понемногу сценки приобретали и нечто похожее на звуковое оформление в театре - играл рояль, иногда вступали скрипки, затем в звуковой ряд вмешивались и иные, не музыкальные звуки - выстрелы, шум машин, топот ног, шелест листвы. Одним словом, все то, что звучит в этом мире. И более того – звучало порой то, что отлично звучать не может или же не слышим - гудящее небо, свистящая молния, не

спешание облака. Когда затихает дом, смолкает музыка, я слышу, как сквозь вьюгу прорывается тоскливая и злобная песня и отдельные злые голоса. Откуда это и зачем? Зачем гаснет свет, зачем наступает зимняя долгая ночь под рукой и выступают лошадиные морды, а над ними лица людей в папахах? И вижу я острие шашки и слышу я душу терзающий свист.

Вот бежит, задыхаясь, человек. Я спешу за ним, напрягаю зрение и вижу: сверкнуло сзади человечка - выстрел! Он, охнув, падает навзничь, будто острым ножом его спереди ударили А среди несущихся облаков смертельно-

бледная луна, а вдали цепочкой грустные красноватые огоньки в селении... Тоска! Но вот проходит какое-то количество времени, одна картинка сменяет другую... Вот уже весна. Что бы там ни было позади -

и падений, но все вдруг возрождается к новой

ка надежды. Надежды на что? Но горестные мысли пропадают. И все, что было, - лишь блажь, и навеяно серым тума

И ранним утром, когда еще даже деревья не проснулись и все еще находится в каком-то промежуточном состоянии между сном и явью, изза угла серого, влажного от росы дома вдруг быстрым шагом выйдет прекрасная женщина и пройдет весело дальше, держа в руках букетик желтых цветов. Кажется, они называются мимоза.

> • Михаил Афанасьевич и Елена Сергеевна

Inpan u cisente

№ 30 (692), сентябрь 2003 года